

Эвелина Тень

Школьный маг
и
ночные кошмары

12+

Эвелина Тень

Школьный маг и ночные кошмары

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Тень Э.

Школьный маг и ночные кошмары / Э. Тень — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-99722-6

Жанр: школьное фэнтези. Выпускница Анжела Шумилова работает школьным магом, охраняя Врата в иные миры. Во время мистического фестиваля она сталкивается с ночными кошмарами и узнаёт о планах их Хозяйки по завоеванию нашего мира. Победить в борьбе с кошмарами Анжеле помогут семья, друзья, прихваченный с кладбища фамилльяр и неиссякаемый источник светлой энергии – сама школа и её ученики.

ISBN 978-5-532-99722-6

© Тень Э., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Эвелина Тень

Школьный маг и ночные кошмары

В эти выходные в парке Горького планировались кошмарные вечера. С пяти до восьми вечера приглашалась публика до четырнадцати лет, а вот с восьми до одиннадцати развлекаться предполагалось не по-детски, оттого рекламная листовка, сунутая мне в руки сестрой Катей, призывала являться в это время исключительно взрослым особам, уверенно перешагнувшим вышеуказанный возрастной рубеж. Особо насыщенная программа ожидалась в воскресенье: улица страха, коллекция средневековых пыток, замок Дракулы, лабиринт ужаса, цирк проклятых, демонстрация казней, интерактивные площадки и конкурс страшных костюмов. От обилия зловонных ухмылок, острых зубов и черепов с костями, креативно и плотно украсивших листовку, зарябило в глазах, и я, слегка поморщившись, перевела взгляд на Катерину:

– А почему в сентябре?

– Не знаю, – пожала та плечами, – но ведь классно, да?

– Я бы ещё поняла устроить такое на Хеллоуин, – приподняла удивлённо брови, – но в конце сентября?

– Пойдёшь со мной? – перешла к главному сестра. – Я с Аней уже договорилась, но только с ней меня не отпустят.

– До праздника всех Святых остался всего месяц, ну, чуть больше, какой смысл сейчас эти вечера кошмарные проводить? – продолжала вполголоса недоумевать я.

– Родители потребуют, чтобы с кем-нибудь из взрослых пошли. Так что скажи, что согласна, – настаивала сестра.

– И, главное, до одиннадцати вечера... Прямо как у больших.

– Ты нас обеих отпроси, ладно? – продолжала гнуть свою линию сестра, и я решила наш разговор, ведущийся, как обычно, в режиме самодостаточных монологов (в смысле, каждая о своём), перевести в форму продуктивного диалога.

– Так вы сходите до восьми, – предложила. – И меня напрягать не надо, и надзора никакого.

– Да ну, – пренебрежительно фыркнула Катерина, – это же для малявок! Неинтересно.

– А ты кто? – удивилась я. – Тебе четырнадцать только в декабре!

– Анжела-а-а... – принялась ныть сестра, но была прервана.

– О! Ночь кошмаров! – раздался радостный голос, и неслышно подошедший сзади Евгений Каширский заглянул мне через плечо.

– Привет, – вежливо сказала я, оборачиваясь, и проявила любопытство:

– А ты откуда знаешь?

– У меня там сеструха в постановке, – с готовностью пояснил Каширский и, оценив мой озадаченно нахмуренный лоб, добавил. – Двоюродная. Маринка.

– А, – коротко сказала я и ещё раз взгляд на рекламу бросила.

– И раз уж зашёл разговор, – Каширский интимно понизил голос и окончательно вторгся в моё личное пространство (Катерина деликатно посторонилась, освобождая ему место). – Хотел спросить... Анжел, давай ходим вместе, а? Вечер воскресенья, осенний парк, все дела... Девушки же такое любят?

– Да? – с сомнением протянула я и ещё раз на бумажку в своих руках посмотрела. – Такое? В смысле, черепа, зомби и разлагающуюся плоть?

– В смысле романтическую прогулку вдвоём, – вздохнул Каширский и посмотрел на меня с неудовольствием.

– Ах, это! – смущённо обронила я и, зардевшись, задумалась.

Катерина тем временем занималась двумя взаимоисключающими делами: старалась стать как можно незаметнее, буквально слившись со стеной школьного коридора, чтобы не мешать приватному разговору между старшей сестрой и её потенциальным парнем, и одновременно привлечь моё внимание, усиленно вращая глазами и транслируя мне через эти интенсивные движения какую-то мысль. Я с большим интересом на сестру уставилась: та, заметив мой взгляд, головой уверенно покивала, потом в грудь себе пальчиком потыкала, ручки в просящем жесте сложила и состроила какую-то рожу, которую она посчитала, должно быть, трогательно-жалобной, а я так откровенно страшной.

– Хорошо, – невольно вздрогнув, сказала и взгляд на Каширского перевела, порадовавшись, что тот стоит к Катке спиной и её жуткой пантомимы не видит. – Хорошо, Женя, спасибо за приглашение.

Тут Катерина отчётливо хрюкнула, и я торопливо добавила:

– Катя с подругой тоже пойдут. Но... они нам мешать не будут, так ведь?

Не знаю, кому именно я адресовала этот вопрос, скорее, им обоим, и Каширский не спеша к Катерине обернулся.

– Привет! – просяла дружелюбной улыбкой Катя и даже ручкой помахать дёрнулась, но ступевалась.

– Привет, – кивнул Каширский, словно только сейчас её заметив, и снова тихонечко вздохнув, придвинулся ко мне ещё ближе, драматично шепча чуть ли не в ухо:

– Анжел, а одна ты на свидания не ходишь? То с подругой, то с сестрой младшей...

– О, а это свидание? – растерянно пробормотала я и выразительно на Катю посмотрела: ведь должна же она понимать, сама девушка... Но сестра то ли не понимала, то ли очень на мистический фестиваль попасть хотела, только она злобно нахмурилась, руки на груди крест-накрест сложила и принялась прицельно прожигать меня взглядом.

– Женя, ну какое это свидание, в ночь кошмаров?! – не выдержав Каткиной психической атаки, переключилась я на одноклассника.

Каширский промолчал, только русую бровь изогнул вопросительно-иронично (не думала, что он так умеет), и я вновь на Катку посмотрела: уже беспомощно.

– Ты мне сестра или какашка? – беззвучно, одними губами проартикулировала Катерина, и я вздохнула.

– Катя с подругой с нами пойдут, – сказала, и на этот раз – окончательно. – Её без моего пригляда так поздно из дома не отпустят. Конец сентября, в семь уже темно. Прости.

– Да ничего, – неожиданно покладисто ответил Каширский. – Сестра так сестра. С подругой так с подругой. Я уже привык. Ты, главное, – тут он фыркнул и на мгновение прижался ко мне всем телом, подчёркивая важность момента, – сама прийти не забудь.

– Женя! – укоризненно выдохнула я, но парень уже отстранился и даже шаг назад сделал.

– Я серьёзно, Анжел, – крикнул он, открывая дверь в кабинет литературы. – Отложи все свои сверхважные дела и давай по-нормальному развлечёмся хоть раз.

Каширский скрылся в классе, и Катка порывисто меня обняла.

– Спасибо! – пропищала она. – Пойду Аню обрадую! Пока-пока!

– Шустрее беги! – поторопила её, глядя, как она поскакала по коридору. – Через пять минут звонок!

Осмыслив выданную мной же информацию, я поняла, что и мне надо поспешить, и завернула вслед за Каширским в кабинет литературы.

– Анжела! – подруга Маша, уже обретавшаяся за нашей партой, приподнялась и чмокнула меня в щёку. Я ответила ей тем же, торопливо сгружая рюкзак с плеча и бросая на стол уже весьма помятый рекламный проспект.

– Мистический фестиваль! – воскликнула подруга, подхватывая листовку с таким искренним и живым энтузиазмом, что я испуганно напряглась. Ну, в том смысле, что если

ещё и она на вечер кошмаров в компанию напросится, то я даже боюсь представить реакцию Каширского...

– А ты хотела бы пойти? – осторожно спросила, замирая с хрестоматией русской литературы в руках.

– Очень! – пылко ответила Маша.

– А... с кем? – ещё более настороженно поинтересовалась я.

– Что значит – с кем? С тобой, конечно! – подруга посмотрела на меня с неприкрытым удивлением, и я тихонечко вздохнула. Ну конечно, с кем ещё идти на пытки и казни любоваться, как не со мной?

– Маша, видишь ли, – робко начала я и аккуратно хрестоматию на стол положила.

– Но – увы, – печально проговорила девушка, и я вскинула на неё глаза.

– Что – увы? – спросила и заподозрила неладное: ну, то ли Машка обрела талант телепата, то ли наши торопливые обжималки с Каширским в коридоре увидела и правильные выводы сделала.

– В воскресенье у меня занятие в языковом центре, с шести до девяти, – пояснила подруга, и я постаралась скрыть охватившее меня радостное облегчение как от того, что мои подозрения оказались напрасными, так и от того, что количество сопровождающих меня на свидание с Каширским лиц не пополнилось ещё и ею. Правда, тут же я почувствовала лёгкий, но заметный укол совести: Мария же моя лучшая подруга, а я вроде как довольная, что она пойти не сможет. Но... с другой стороны, я на Женьку с восьмого класса заглядывалась. В десятом, правда, на эти глупости времени и сил почти не оставалось – столько всего на меня свалилось вместе с работой школьным магом, но вот сейчас... в выпускном классе... Нет, обязанностями своими волшебными я, конечно, пренебрегать не собираюсь, но... мы с Каширским последний год в школе вместе, когда и попробовать, если не сейчас?

Эта мысль оказалась неожиданной. Не о том, что Женя мне, скорее всего, нравится, а о том, что у нас остался всего год, чтобы с симпатиями и их возможным развитием определиться. Я... как-то об этом не задумывалась. Я до десятого класса вообще ни о чем особо не задумывалась, жила себе и жила просто, как получится, а год назад случился такой поворот (да нет, переворот!) в моей реальности, что думать я стала много. И о многом. Кроме, разве что, как раз личной жизни. Ну, мне при должности школьного мага как-то не до неё стало. Правда, весь прошлый год Каширский оказывался со мной рядом почти во всех передрыгах, но наши отношения никогда не выходили за рамки дружбы... да и то лёгкой. Может, я сама предпочла не замечать его намёков, увлекшись новым, захватывающим и ответственным делом? Может, мне мало было намёков и хотелось чего-нибудь поконкретнее? Может, я боялась за мой секрет? А, возможно, из-за моего секрета я боялась за Каширского? Как много вопросов! Но вот только в десятом классе ни он, ни я так и не сделали решительного шага.

Но теперь я окрепла как маг и повзрослела как личность. Что ж, сейчас, в выпускном, я, пожалуй, смогу выдержать не только магические прорывы, но даже и первую влюблённость. Я улыбнулась.

– Ты чего, Ангела? – покосилась на меня подруга.

– Извини, – сказала, продолжая улыбаться. – Меня Каширский на ночь кошмаров пригласил.

– Это хорошо, – одобрительно кивнула Маша.

– Хорошо? – хихикнула я. – На ночь кошмаров?

– Вот если бы просто на ночь, то это было бы неприлично, – важно заявила Мария. – А так, на кошмаров – это ничего, вполне даже пристойно.

Мы зафыркали, и я невольно покосилась на соседний ряд, где Каширский усиленно тряс рюкзаком, изображая подготовку к уроку. Тройка книг выпала на парту, и одновременно с их шлепком Женька обернулся, перехватив мой взгляд. Вид у него при этом стал отчего-то

донельзя довольным, и он медленно и проникновенно улыбнулся. От этой улыбки, полной интимного значения, я засмушалась, но отворачиваться не стала, откровенно парнем залюбовавшись. Его красивые серые глаза, опущенные выгоревшими длинными ресницами, казались ещё светлее и выразительнее из-за сохранившегося каникулярного загара, и больше – из-за высоких скул, четко проступивших на худощавом лице. Спортивная фигура была выгодно упакована в аккуратную отглаженную рубашку и консервативные пуловер и брюки. Идеальная короткая стрижка дополняла образ симпатичного «хорошего» мальчика, и единственное, что слегка из него выбивалось, – пара модных светло-серых кроссов. Сколько я Женьку помнила, он всегда ходил в кроссовках. Ну, не в одних и тех же, разумеется, но ботинки (классические туфли, мокасины, сандалии и прочее) не носил в принципе. Вообще-то для парней нашего возраста кроссы – это нормально, у нас три четверти мальчишек в них ходят, но для Каширского другой обуви словно и не существовало: кроссовки зимние, летние, осенние, для бега, для занятий баскетболом, модно-выпендрёжные – для походов на дискотеку, отдельная пара – как сменная обувь в школе... и я неожиданно всерьёз задумалась о том, а не придёт ли Женька в кроссах и на выпускной вечер? Прикупит себе парочку строгих чёрных к костюму или, наоборот, отыщет что-нибудь этакое, с подсветкой и музыкой? Или всё-таки подчинится правилам (и администрации) и обзаведётся классическими туфлями – оксфордами или дерби? Может, одолжит у папы, если уж нет смысла покупать на один раз? Хм. А почему, собственно, меня так волнует вопрос Женькиной обуви? Неужели примеряю его себе в кавалеры на выпускной бал? Я стусевалась, поймав себя на этой мысли.

Весь прошлый год мне было не до романтики: в десятом классе неожиданно открылись мои, мягко говоря, паранормальные способности, и я стала магом и хранителем нашей школы – особого, довольно густо населенного мира и по совпадению Врат в иные измерения. Так что все личные переживания, в том числе связанные с мальчиками, отошли на второй план. Или даже на третий. Ну, понимаю, конечно, что это странно для юной и довольно симпатичной девушки, но факт. Но вот теперь... в последний год школы... Каширский игриво мне подмигнул, и мысли в голове заполошно заметались, способные сложиться только в отрывочные маловразумительные штампы: кто, если не я?! Когда, если не теперь?! И всё такое прочее.

Я с усилием отвела от Женьки глаза, и подруга рядом понимающе хмыкнула. Стыдливо уставилась взглядом в парту, пытаюсь унять пустившееся вскачь сердце и с необыкновенной ясностью понимаю: я пойду на свидание с Каширским, даже если за нами увяжется весь Каткин класс, да и мой заодно. Ну и толпа мертвяков, ведьм и зомби в придачу.

В пятом часу, перед тем как уйти, я, как обычно, отправилась в подвал школы. В один из подвалов старого здания, если быть точной, туда, где и находилась самая тонкая из Завес.

Осторожно спустившись по крутым ступеням, я прошла по узкому коридорчику в Белый зал. Он потому так и назывался, что всё в нем было белого цвета: потолок, стены, линолеум на полу (после многолетнего использования уже скорее серый или даже бежевый), стулья, пуфики из кожзаменителя, диванчик, пара столов и выкрашенное в белый цвет (поверх своего собственного) расстроенное пианино. Раньше в Белом зале проводили небольшие внеклассные мероприятия: чаепития по поводу Дня именинника, конкурсы чтецов, репетиции школьного песенного ансамбля, но с постройкой новой школы помещение оказалось заброшенным, и в нём с комфортом обосновалась Белая Дама.

– Цецилия Феликсовна, сударыня, – позвала я, присев на пуфик у двери, не включая ламп. Проникающий из коридорчика рассеянный свет слегка пробежался по длинной вытянутой комнате и отразился в стеклянных дверях напротив. За этими дверями находилась старая неоконченная экспозиция из истории здания, бывшего когда-то дворянской городской усадь-

бой и имевшем такую сложную систему подвальных помещений, ходов-выходов-поворотов и скрытых комнат, что посрамила бы и катакомбы.

Надо сказать, что даже у меня Белый зал с его низким сводчатым арочным потолком и неясными тенями, время от времени мелькавшими за дальними стеклянными дверями, вызывал внутренний трепет, чего уж говорить о первоклассниках, которых в обязательном порядке таскали сюда на посвящение в гимназисты добрые ученики постарше.

– Деточка, – раздался чуть слышный вздох и возле пианино соткалась фигура Белой Дамы.

С тех пор как Цецилия Феликсовна взяла на себя роль моего добровольного помощника и поселилась в зале, чтобы быть поближе к местам прорыва, она старалась соответствовать окружающей обстановке и проявляла себя в одежде исключительно белого цвета. Вот и сейчас на ней были белоснежные блузка с воротником-стойкой и юбка, которая заканчивалась где-то на уровне коленей. Заканчивалась вместе с Цецилией Феликсовной, я имею в виду. Оформлять себя полностью – до кончиков туфель – Цецилия Феликсовна никогда не стремилась, за исключением званных вечеров и балов, являться на которые в таком...хм... незаконченном виде считалось дурным тоном. Я покосилась на провал под коленями Белой Дамы и невольно вздрогнула.

– Анжела, деточка, – негромким интеллигентным голосом произнесло привидение, – рада вас видеть. Как поживаете?

– Очень хорошо, благодарю вас, сударыня, – ответила.

Цецилия Феликсовна утверждала, что именно она с сёстрами произвели такое неизгладимо сильное впечатление на Антона Павловича Чехова, когда тот по недоразумению посетил наш город, что послужили прототипами главных героинь в его пьесе «Три сестры». Так что общались мы с привидением очень вежливо и в манере, обычной для её круга при жизни (ну, насколько у меня это получалось).

– Как ваши дела, Цецилия Феликсовна? Что нового? – вежливо поинтересовалась я.

– Да какие у меня могут быть дела, милая? – притворно воскликнула Цецилия Феликсовна, всплеснув прозрачными руками, и тут же, понизив голос, доверительно сообщила: – Бонифаций Иванович говорит, что заднюю стену опять колотит.

– Прорыв? – севшим голосом спросила я, подавшись вперед.

– Нет, деточка, – качнула головой Цецилия Феликсовна, и от этого движения по ней прошла рябь, стирая последние краски и делая похожей на не слишком удачную голограмму. – Пока нет. Но сходить вам стоит, Бонифаций Иванович несёт караул, приглядывается.

Я кивнула, соглашаясь, и с готовностью поднялась. Бонифаций Иванович при жизни был полицмейстером, так что к безопасности и порядку относился ответственно, к панике был не склонен и по пустякам шума не поднимал. И раз он зовёт меня, значит, происходит что-то действительно серьёзное.

– Пойдёмте, – предложила и прошла через Белый зал. Белая Дама, сократив свою проекцию уже до пояса, неслышно скользила рядом.

Задняя стена. Понимаю, что звучит не очень. А если откровенно – то и вообще отвратительно. Что за название такое для локации паранормального? Но... как я не тужилась, ничего остроумного или красивого придумать не удалось. Задняя стена она, потому что находится в самом дальнем помещении подвала и в ней есть один из чёрных ходов наружу (которым давно никто не пользуется). Я не архитектор какой-нибудь, чтобы ей особые названия придумывать. Слева от двери – там, где разместились неоконченная экспозиция (старинные часы с маятником и репродукции особняка в 19 веке) – иногда проявляются Врата. Они не стабильны и могут сдвигаться в любую из сторон, а также вверх и вниз.

Иронично хмыкнула. Ну да, не получила я магического образования, даже начального, ни Хогвартсов, ни прочих специальных образовательных учреждений не заканчивала, потому и

объясняюсь словами простыми и обыденными. Так вот, точно по краю черного хода находилась самая тонкая «завеса», которую то и дело проверяли на прочность. Теоретически, завеса – это блуждающее пятно, и прорыв мог состояться в школе где угодно, но практически он уже трижды происходил именно в этом самом дальнем подвальном помещении.

Эти знания я подчеркнула не из совместных уроков с Гарри Поттером, а исключительно из личного опыта, когда весь прошлый год пробегала по школе, отлавливая эту блуждающую завесу и ликвидируя прорывы.

Ну, практик я, не теоретик. Возможно, у нас и обучают быть магом – почему бы и нет? Но мне об этом ничего неизвестно, а подавать объявление в соцсетях... это как-то неосторожно? Типа «Срочно требуется консультация по ликвидации энергетических прорывов в образовательном учреждении»? Или «Начинающий маг ищет дипломированного опытного наставника»? Я заулыбалась. Так и ведь и в психушку угодить можно, уж там и волшебники найдутся, и специалисты по иным измерениям.

За внутренним монологом я достигла помещения неоконченной, и потому неработающей выставки: двух смежных комнат, скупо освещенных сумеречным светом, льющимся из узких подвальных окошек. Электричество я не включала, прекрасно ориентируясь в полутьме. Кроме того, без резкого искусственного освещения мне было легче ... видеть. Видеть тонкие планы: эфирный, ментальный, астральный...

Я легонько и ласково коснулась рукой рассохшегося пианино начала прошлого века, поправила на нём бронзовые держатели для подсвечников, придержала покачнувшиеся на стене подвешенные репродукции...

– Бонифаций Иванович караулит у самых дверей, – подсказала мне в ухо Цецилия Феликсовна, и я вздрогнула. Не от того, конечно, что она подкралась неслышно (вы встречали громко топающие привидения?), а потому что Белая Дама ещё больше урезала проявленную проекцию, и теперь от неё остались только голова, шея, грудь и пара верхних конечностей. И вот всё это парило передо мной в воздухе! Отлично понимала, что Цецилия Феликсовна так энергию экономит, но всё равно... нервировало.

– Сударыни? – в комнату заглянул солидный мужчина с окладистой бородой – Бонифаций Иванович, прозрачный, словно целлофан (тоже энергию без надобности не тратит).

Мы с Белой Дамой поспешили к нему.

– Вот, Анжела Александровна, взгляните, – призрак указал на дверь черного хода. – С прошлой ночи бурлит.

К тому, что меня называют по имени-отчеству, я привыкла. В общем-то, я уже взрослая, мне скоро восемнадцать, и по должности школьный маг и хранитель, а субординацию бывший полицмейстер уважал.

Я сделала шаг вперёд и настроила внутреннее зрение. Ну, это чтобы понятно было, а на деле просто сменила фокус и всё. Так понятнее, да? (Тут предполагается поставить смайлик). Пошаговую инструкцию как этого достигнуть, никогда ни от кого не получала и давать тоже не взялась бы. Само собой получалось. Безо всяких медитаций, вхождения в транс, заклинаний, волшебных очков и прочее. Со стороны кажется, что я просто прищурилась, как при близорукости.

Бонифаций Иванович был прав. Бурлило, да ещё как! Что-то бродило и сгушалось по ту сторону, но границы не переступало, терпеливо накапливая силы. Кто? Для чего? Когда? Зачем? Заглянуть к нам из любопытства? Совершить прорыв? Познакомиться или напасть?

Странные ощущения... Попыталась дотянуться до клубка энергии, но он мягко отступил, словно засмутившись, а лезть дальше, нарушая границу, я не стала: вроде как нет оснований.

Ну и что всё это значит? Нахмурилась. Агрессии вроде не проявляет, но... как я вспомню прошлые прорывы, так вздрогну. Так что укрепить лишний раз защитный контур вокруг школы не помешает.

Пока работала, Бонифаций Иванович и Цецилия Феликсовна почтительно молчали, но вот я закончила...

– Красиво получилось! – восторженно прошептала Белая Дама.

Я обернулась, чтобы поблагодарить и... резко втянула в себя воздух. Дело в том, что Цецилия Феликсовна сократилась до головы и шеи, аккуратно упакованной в рюши от блузки. Нижней границей Белой Даме послужила старинная камея с силуэтом, подозрительно напоминающим саму Цецилию Феликсовну.

– Благодарю вас, – с запинкой выдавила плавающей по комнате голове.

– Я останусь здесь, Анжела Александровна, – вполголоса сказал Бонифаций Иванович, – не нравится мне это брожение... Завтра вас в школе не будет, но вы уж гляньте, на тонком плане, как вы умеете, не сочтите за труд? А я, если что замечу, весточку вам pošлю.

– Договорились, спасибо, – благодарно кивнула. В моём деле лучше перебдеть, чем недобдеть, хорошо, что среди школьных привидений бывший полицмейстер оказался, есть на кого положиться.

Раскланявшись с Бонифацием Ивановичем, я поспешила обратно: была суббота, хотелось, наконец, отдохнуть.

На входе в Белый зал едва не споткнулась о Цецилию Феликсовну: уважаемая дама (вернее, уже только её голова) плыла у самого пола (тоже в целях сохранения энергии, надо полагать, или ей просто так больше нравилось?!). В любом случае, смотреть на то, как призрачная голова скользит у подола моей юбки и при этом ведёт светскую беседу, было выше моих сил. Вроде я и не первый год маг, но всё же...

– Цецилия Феликсовна! – взмолилась, привлекая к себе внимание. – Подлетите повыше, пожалуйста!

Белая Дама замерла на полуслове (она как раз жаловалась на падение нравов среди старшеклассников и заодно ненавязчиво интересовалась моим прогрессом в отношениях с Каширским), с огромным недоумением уставилась мне на туфли, судорожно ахнула и подскочила вверх.

– Прошу простить мою рассеянность, деточка! – пробормотала она с раскаяньем. – Как невежливо с моей стороны было вести беседу с вашими...хм...коленями! А я думаю, что вы всё молчите и молчите? Надеюсь, я вас не напугала?

При этом мне показалось, что глаза Белой Дамы хитро блеснули, словно она рассчитывала как раз на обратное.

– Напугали, и ещё как, сударыня! – заверила я, решив её не разочаровывать: в конце концов, в жизни привидений так мало развлечений...

– Простите, – польщенно потупилась Цецилия Феликсовна, и её короткие локоны довольно колыхнулись.

– Доброй ночи, сударыня, – улыбнулась я и, отвесив ей церемонный полупоклон, закрыла за собой дверь в Белый зал.

На вечер кошмаров я собиралась со всей тщательностью: вымыла и уложила волосы, посмотрела в интернете прогноз погоды, распаковала новые колготки и начистила до блеска новенькие же кожаные ботинки. В общем и целом, мне мой прикид нравился: на эту осень я выпросила у родителей тёмно-серое, почти чёрное драповое пальто-шинель длиной до середины икры, которое мне чрезвычайно шло, и которое, как я полагала, соответствовало моему образу как мага-хранителя. Строгое, с крупными металлическими пуговицами оно делало меня старше и эффектнее, а длинные широкие полы при ходьбе приятно хлопали по ногам, заставляя отчего-то чувствовать себя увереннее и ... ну, не брутальнее, конечно, это для маль-

чиков, но... весомее, что ли. В этом пальто невозможно было сутулиться или едва переставлять ноги, чёткие и прямые линии кроя словно требовали того же и от его хозяйки.

Чтобы добавить себе роста, а образу – значимости, я приобрела под пальто пару чёрных кожаных ботинок на высоком устойчивом каблуке. Внушительного вида подошва и каблучицы, одинаковые что в ширину, что в высоту, делали ботинки тяжёлыми и ультрамодными, а мне прибавляли силы и... крутости, как мне самой казалось. А вот что покажется окружающим, предстояло узнать совсем скоро. Хотя, если откровенно, кому интересны мои ботинки, кроме меня самой? Да и вообще мой имидж?

Я вздохнула и, проверив зарядку телефона, выскользнула из квартиры. Мы встречались у правого бокового входа в парк ровно в восемь. Каширский, правда, так и не расставшийся с идеей превратить ночь кошмаров в романтическое свидание, предлагал зайти за мной домой, но я... застеснялась. Воскресенье, родители дома, наверняка вывалятся в коридор поглазеть на кавалера, и ладно, если только поглядеть! А если ещё и расспрашивать примутся?! Ну... в общем, нет.

До парка я дотопала пешочком, наслаждаясь покоем выходного дня и подступившего вечера. У ворот уже пасся Каширский, которого опознала издали даже в сумерках. Вообще-то Женька особой дисциплинированностью никогда не отличался, и я рассчитывала, что у меня будет хотя бы пять минут на месте, чтобы в зеркальце посмотреть и причёску откорректировать, а тут на тебе... Я замедлила шаг, с неожиданной нервозностью тиская полосатый оранжево-чёрный шарф крупной ручной вязки – единственное яркое пятно в моем сегодняшнем гардеробе.

– Анжела! – радостно воскликнул Каширский, разглядев и меня. Пришлось срочно поправлять скомканный шарфик и разметавшееся по плечам каре заодно.

– Женька, привет! – выдавила чуть кривоватую улыбку.

– Рад тебя видеть! – просиял всеми зубами Женька и даже обнять меня потянулся. – Я чего-то волновался, что не придёшь.

«Так и надо было сделать!» – с внезапной тоской подумалось мне, слегка придушенной и смущенной его объятьями, из которых я, впрочем, деликатно высвободилась и возмущённо по сторонам огляделась. Ну и где, спрашивается, Катя?!

– Ты чего? – заинтересовался Каширский моими озираньями.

– Да так, – пробормотала уклончиво, затруднившись с ответом. И то верно, пару минут с парнем наедине провести не могу, сестру на помощь жду!

– Анжел, – прочувствованно пробасил Евгений и снова с объятьями полез, – а правда хорошо, что мы наконец-то на свидание выбрались?

– Правда, – буркнула я и недобрым словом Катерину помянула. Нет, ну а чья это была идея насчёт вечера кошмаров? Так чего опаздывать? Договорились же в восемь!

– Анжел, – вдруг хрипло прошептал Женька и, как-то быстро и ловко наклонившись, зарылся лицом в мой шарфик, умудрившись еще и простонать мне в шею: – М-м, какая ты вкусная!

– Э-э... Женька... – проквакала я в полной прострации и оглянулась ещё раз, на этот – беспомощно.

Словно в ответ на мой отчаянный безмолвный призыв, невдалеке притормозила легковушка, и из неё вывалились радостно галдящие Катя с подругой.

– Катя! – с облегчением выдохнула я прямо в ухо разомлевшему Каширскому.

– Какая Катя?! Анжел, ты можешь расслабиться хоть на минуту? – с укором спросил Женька, не спеша выныривать из моего шарфа.

– Катя с подругой идут сюда, – четко проговорила я, и Каширский со вздохом принял исходное вертикальное положение.

– Вовремя, – пробурчал Женька, и я, кстати, была с ним совершенно согласна, но без всякого сарказма.

– Привет! – девчонки помахали нам руками, и я едва смогла устоять рядом с Женькой, а не броситься с объятьями к ним.

– Привет, красавицы! – снисходительно кивнул одноклассник и этак ненавязчиво верхнюю конечность у меня на талии разместил.

Красавицы довольно захихикали, а я, постаравшись абстрагироваться от тяжести Женькиной руки, пригляделась к Катерине. Она без меня из дома уходила, решив ещё перед походом в парк домашку вместе с подружкой сделать у той в гостях, и вот теперь...

Я критически нахмурилась, притянула сестру к себе за рукав ярко-жёлтой, прямо-таки цыплячьей, куртки и тихонечко шепнула:

– Ты бы хоть голову помыла!

– Зачем? – искренне удивилась Катька. – Не у меня же свидание! Да и через полчаса совсем стемнеет!

Ну... аргументы убийственные.

– А мини-юбку зачем надела? – попробовала зайти с другой стороны.

– Так и ты тоже в мини, – парировала сестра.

Ну... да. Я тоже в мини-юбке. Не удержалась. Но у меня пальто длинное, и только когда полы расходятся красиво, видны стройные ноги. Частично видны, а не тотально, как у Катерины! Ну и... замёрзнет же, осень!

– У меня пальто тёплое! – повысила голос. – А у тебя куртка даже попу не прикрывает!

– Мне не холодно, – фыркнула Катерина, локтем дёрнула, высвобождаясь, и гордо к воротам продефилировала. Тоненькие длинные ножки в бежевых капронках мягко светились в полутьме.

– О чём шепчетесь? – выдохнул мне в щёку Каширский, и я вздрогнула от неожиданности: забыла о нём как-то, даже несмотря на конечность на талии... кошмар!

– Да так... – промямлила.

– Пойдёмте уже! – нетерпеливо позвала Катя от ворот, и мы направились в парк развлечений. Ну, развлечёмся...

Парк встретил неожиданной тишиной. Тут, когда мы летом бывали, музыка бравурная играла, и от толпы народа гул стоял постоянный: смех, разговоры, скрип прогулочных машин для малышни... а сегодня тихо. И пусто. Не работают аттракционы, даже иллюминация на них выключена, наглухо закрыты все торговые палатки, нет ни одного зазывалы, аниматора или продавца... Да что там! Посетителей, и тех в зоне видимости нет! Мы переглянулись в недоумении.

– Хм, может, ошиблись мы? – неуверенно спросила Катина подруга Аня. – Почему нет никого? И тихо так?

– Подойдём, посмотрим, – Каширский кивнул в сторону рекламного щита – единственного освещённого объекта в этой части парка.

Организованной толпой мы засеменили к щиту, невольно держась поближе друг к другу: пустынный, погруженный в сумерки парк неожиданно показался совершенно незнакомым и даже зловещим. Тёмные громады аттракционов подавляли, словно сердясь на то, что мы нарушили их сон, а облетевшие деревья вдруг враждебно и угрожающе захлопали голыми ветвями.

– Нет, всё верно, – возвестила Катерина, уставившись на красочную афишу. – Вот, мистический фестиваль в выходные... так... воскресенье двадцать ноль-ноль... ночь кошмаров.

– А где кошмары-то? – не поняла Аня, оглядываясь. – Жутковато здесь, не спорю, люди куда-то все делись... но зомби где? Шоу мертвецов?

– Дальше читай, – хмыкнул Каширский. – Идти надо через Вестерн-сити к замку Дракулы, там на центральной аллее интерактивные площадки и вся движуха.

– Ну так пойдёмте! – вновь скомандовала Катерина, мы сделали пару шагов и... наткнулись на труп. Вернее, споткнулись.

– Ой! – девчонки дружно прыгнули к Каширскому и схватили того за куртку.

– Да уж, – фыркнула я, разглядывая труп.

Тот лежал на асфальте, бледный и несчастный, в луже крови, набежавшей из пробитой головы, и одна рука его с вытянутым указательным пальцем была направлена в сторону небольшой рощицы, интригующе подсвеченной болотно-зелеными огнями.

– Оригинально, – кашлянул Каширский и взял меня под руку: то ли чтобы приободрить, то ли чтобы самому не бояться. – Видимо, нам туда.

Нервно посмеиваясь, мы припустили по тропинке, виляющей между призрачными деревьями-гигантами.

– Слушайте, подсветка какая жуткая, – не выдержала сестра. – Деревья голые почти, листва облетела, и такие зелёным мерцают... ну точно как из леса кошмаров!

– Атмосферу создают, – со знанием дела хмыкнула Аня.

– А теперь ещё и нагнетают, – пробормотала я, невольно притормаживая, потому что заметила какое-то шевеление в кустах чуть впереди нас.

Вслед за мной все остановились и принялись напряженно вглядываться в темноту, ожидая чего-нибудь ужасного. И не остались разочарованными: кустики качнулись, и из-за них вывалилось нечто светлое и длинное и энергично переползло через тропинку, шебуриша опавшей листвой.

Теперь к Каширскому жались мы втроём.

– Это... это чего было? – севшим голосом спросила Катя.

– М-м-мумия? – предположила Аня, заикаясь. – Я не разглядела, белое что-то...

– Или гигантский опарыш, – сказал Каширский. – Мерзость какая!

– Нет, мумия! – пылко возразила Аня, но почему-то вполголоса и нервно озираясь. – Бинты были, кажется...

– Анжела, это актёр, да? – неуверенно спросила Катя и покосилась в ту сторону, куда скрылось впечатлившее нас нечто.

Мы топтались на месте, не решаясь продолжить движение.

– Конечно, актёр, – кивнула я.

– Ага, ползком на брюхе? – от волнения Аня не слишком выбирала слова.

– Ну, если так по роли надо... – пожала плечами Катерина, но тут же сама засомневалась. – А почему маленький такой? Вам не показалось, что это было слишком маленьким для взрослого?

– Подростка наняли или актёра низкорослого, – сказал Женька и нетерпеливо вздохнул. – Мы ещё и не дошли даже, а вы уже перетрусили!

– Это точно был человек? – Катерина с надеждой воззрилась на Каширского.

– Нет, гигантский опарыш, – серьёзно ответил Женька, и я пихнула его в бок. – Он ползает по парку и ест исключительно семиклассниц.

Девчонки захихикали, но встревоженных взглядов от кустов не отрывали.

– Как вы думаете, он всё ещё там? – поинтересовалась Катя, делая робкий шаг вперёд.

– А если нападёт? – испугалась Аня.

– Тогда я ему по баш... по голове дам, – раздражённо заявил Каширский и потянул нас всех троих по тропинке.

– Так что пусть не высовывается! – Женька повысил голос (видимо, нарочно, чтобы предупредить опарыша-мумию о возможных для него прискорбных последствиях).

Мы, посмеиваясь, устремились вперёд, стараясь побыстрее пройти мимо возможной опарышевой засады.

– Ох, реально страшно было! – восхитилась Катя.

– А давайте вернёмся и посмотрим, кто же это всё-таки был? Наверняка ещё в кустах сидит, других пугливых посетителей караулит, – предложил Каширский.

– Э-э... – мы с девчонками переглянулись, и я с доброй улыбкой произнесла:

– Ты иди, Женя, посмотри, а мы тебя здесь подождём.

Каширский задумчиво обозрел тёмные кусты, зловеще-зелёную пустынную тропинку, перевёл взгляд на нас...

– Ну... у меня с собой даже фонарика нет, – сказал он. – И не оставлять же вас тут одних? Ладно, идём дальше.

Мы фыркнули, но послушно за ним посеменили.

Тропинка вывела нас к Вестерн-сити, улице аттракционов, имитирующих обстановку Дикого Запада.

Сегодня все лавки, салуны и аттракционы были закрыты, и мы шли безмолвно по вымершему городку, всё более и более проникаясь атмосферой ночи кошмаров. Тишина стояла такая, что было слышно, как шуршит напавшая под ноги листва.

– Что-то нас никто не обгоняет, – озадачилась Катерина, – где народ-то?

– Через центральный вход идёт, – предположил Женя, и девчонки немного успокоились.

Но не на долго: буквально через минуту раздался пронзительный женский крик, и из-за одного из зданий выскочила уже вполне взрослая дама и кинулась к нам. Мы застыли на месте напряжёнными столбиками, словно сурикаты в дозоре.

– Помогите! – хрипло выдохнула женщина и обеими руками вцепилась в куртку, отчего-то в Каткину. Может, та ярче всех светилась в темноте? – Спасите! Помогите! Пожалуйста!

– Как же мы вам поможем? – испуганно хлопнула ресницами Катерина и женские конечности со своей одежды попыталась стряхнуть. – Мы же это... сами еще подростки!

– Помогите, – повторила женщина, но уже с меньшим надрывом, и пальцы от сестры отцепила, разглядев, должно быть, что и в самом деле искать у той защиты неразумно.

– Что случилось? – кашлянув, поинтересовался Каширский, и женщина перевела безумный взгляд на него. Его рост и общие очертания фигуры, видимо, внушили ей больше доверия, чем Каткины, потому что перекошенное ужасом лицо озарилось надеждой, а руки совершили жадное хватательное движение теперь уже по направлению к моему однокласснику.

Каширский благоразумно отступил на шаг назад.

– На нас напали! – драматично молвила женщина, и руки её, лишившись добычи, печально обвисли.

– Кто напал? – решила я поучаствовать в разговоре.

– Я... не знаю, – она потерянно посмотрела на меня, и я поразилась её талантливой игре. – Понимаете, мы с мужем шли через Вестерн-сити, он остановился шнурок завязать, я на что-то отвлеклась... Оборачиваюсь, а его нет! Думала, решил так пошутить, смеялась, звала... дурачилась, в общем.

Женщина обхватила себя обеими руками, поскольку больше никто опорой для них выступить не пожелал, и принялась раскачиваться из стороны в сторону.

– Потом испугалась по-настоящему и пошла искать, – глухо сказала она и покосилась на здание в псевдо-американском стиле с резной табличкой «Салли Салун».

– И что? – заинтригованные, мы подошли ближе.

– Там на меня и напали, – она нервно кивнула в сторону прохода между строениями. – Схватили со спины, рот зажали и потащили в проулок... вы представляете?

Женщина воззрилась на нас, словно сама не до конца веря в происшедшее.

– Ну а что вы хотели? – удивился Каширский. – Это же парк развлечений.

– Так это развлечения, по-вашему?! – возмутилась женщина. – Меня душили! Когтями! Впивались! В горло! Чуть ли не кусали!

Она отвернула воротник короткой стёганой куртки, и в зловещем зеленоватом свете редкой иллюминации мы разглядели свежие царапины и синяки на шее. Красноватые, слегка припухшие следы от чьих-то пальцев, которые только-только стали наливаться синевой... Мы (девушки) дружно сглотнули.

– Это грим, да? – шёпотом спросила Аня у меня с одной стороны, а Катерина также чуть слышно поинтересовалась с другой:

– Анжела, она актриса?

Как ни тихо они говорили, но пострадавшая в Вестерн-сити дама их услышала и даже подскочила от негодования.

– Никакая я не актриса! Вы меня не слушаете! Здесь творятся страшные вещи! – она очень убедительно завращала глазами.

– Так ведь ночь кошмаров, – флегматично хмыкнул Каширский.

– На меня на-па-ли! – по слогам проорала несчастная дама. – Хотели покусать! Может, даже убить! И муж исчез!

– Он и напал, – выдвинул версию Женя, – а когда нас увидел, сбежал.

– Что вы такое говорите? – растерялась женщина. – Зачем ему это?

– Ну, вам лучше знать, – неопределённо протянул Каширский.

– Да как вы... да что... – дама задыхалась от избытка чувств. – Да как вы можете! Мы десять лет женаты!

– Вот вам и мотив, – невозмутимо молвил Женя, и я фыркнула.

– Вы мне не верите! – наконец-то догадалась женщина и судорожно вздохнула. – Я... я не представляю, что делать... мобильный потеряла...

– У бокового выхода из парка есть кнопка экстренного вызова полиции, – любезно подсказала я, сама не зная почему. Может, меня растрогала её игра? Ведь не приняла же я всерьёз её фантастический рассказ в духе ночи кошмаров?

– Спасибо! – обрадованно кивнула женщина и сделала шаг к аллее. – Прошу вас, возвращайтесь, не ходите туда!

– А в чём тогда смысл? – приподнял брови Каширский.

Женщина вдруг вздрогнула, уставилась куда-то за моё плечо и сдавленным голосом произнесла:

– Вы это видите? Чувствуете? Вон... там... смотрите... – она перевела на нас глаза с расширившимися от ужаса зрачками и ткнула пальцем в сгустившуюся между декорациями тьму. – И это точно не мой муж.

Она покачала головой, отступая.

– Это... зло. Настоящее зло!

– Я вас предупредила, – шепнула странная особа и, сорвавшись с места, бросилась бежать по тому маршруту, по которому мы только что пришли.

– Забыли сказать ей, чтоб остерегалась гигантских опарышей, – огорчился Каширский, и мы дружно захихикали над его шуткой.

Улыбки были ещё на наших лицах, когда, судорожно мигнув, в Вестерн-сити погасла иллюминация.

– Э... что за дела?! – громко возмутилась Катерина, подумала и крепко взяла меня за руку.

– Это... перебои с электричеством или так задумано? – рядом нервно захрюкала Аня.

Каширский предпринял попытку оглядеться.

– Темно, – констатировал он, – и фонарика нет, плохо.

Мы согласно закивали, стараясь сдержать охватившую нас дрожь.

– Так, девчонки, не разбредаемся, – скомандовал Каширский и решительно привлёк меня к себе. – Аня, ты встань слева от меня, Анжел, держи за руку сестру.

– Уже, – доложила я.

– В общем, дорогу разобрать можно, так что идём вперед, – сказал Евгений, но с места не сдвинулся. Мы, впрочем, тоже.

Глаза постепенно привыкали к темноте, серебряный серп растущей луны бросал немного света на одноэтажные постройки и улицу между ними, так что да, пройти через Вестерн-сити было вполне возможно, но пустой, мёртвый западный городок, словно вышедший из американских фильмов ужасов, как-то не располагал к прогулке.

Мы переглянулись с тоской. Пока разговаривали с придушенной женщиной, было весело и не страшно, но теперь, когда остались одни в темноте, отчего-то сразу поверили в притаившееся за углом зло.

– Девчонки, мы так всё пропустим, – вздохнул Каширский, и мы нехотя и медленно пошли.

Темнота давила, и тишина тоже. Тишина даже больше: казалось нереальным, что во всём Вестерн-сити слышны только приглушённые звуки наших шагов да иногда шорох листьев от них.

– Вон там на женщину напали, – заметила Аня негромко, но Катерина всё равно на неё зашикала, словно опасаясь, что та своими словами спровоцирует спрятавшийся за домами кошмар.

– А вдруг это правда и на нас тоже нападут? Когтями начнут рвать? – жалобно пропищала, не успокаиваясь, девушка, и Катька снова на неё зашипела.

– Что?! – подпрыгнула Аня. – Может, у них по сценарию так положено?

– Лучше бы не надо, – сказал сквозь зубы Каширский и признался: – У меня от этих походов в темноте чувство юмора притупилось, так что я и врезать могу от всей души. Не разбираясь, актёр или нет.

После этих слов мы с девчонками немного повеселели и зашагали увереннее. Всё-таки хорошо, что парня с собой на ночь кошмаров взяли.

До конца Вестерн-сити осталось пройти всего ничего, как со стороны последней в ряду постройки донесся какой-то подозрительный шорох, отчётливо и зловеще прозвучавший в окружавшей нас тишине.

– Анжела! – сестра нервно клацнула зубами и впилась ногтями мне в ладонь.

Шорох усилился, и из проулка прямо нам под ноги выкатилось что-то тёмное.

Катя завизжала так, что у меня заложило уши. Слева от Каширского истошно вторила ей перепуганная подруга.

– Тихо вы! – рявкнул парень. – Это ведро от попкорна!

– Да? – удивилась Катерина и с недоверием на асфальт перед собой посмотрела.

Это и в самом деле оказалось большое картонное ведро из-под попкорна. На темном фоне флуоресцентной краской было отпечатано лицо клоуна с выпученными глазами и широкой злой улыбкой. Ведерко медленно докатилось до Катькиных ботинок и остановилось, подрагивая, отчего казалось, что злой клоун нам издевательски подмигивает.

– Кто-то специально бросил? – шёпотом спросила Аня.

Каширский явно хотел сказать что-то язвительное, но посмотрел на дрожащих девчонок и пожал плечами:

– Просто ветер. Идём дальше.

И мы пошли вперёд, причем Катя через ведерко боязливо перепрыгнула.

– Анжела, я реально подумала, что это голова, – фыркнула она мне на ухо.

– А здорово нас завели, что мы от каждого мусора шарахаемся, – усмехнулся Каширский и проговорил мечтательно:

– Вы представьте, если здесь уже так старательно развлекают, то что ждёт нас на главной улице?

Он ускорил шаг, полный радостного предвкушения.

Я же промолчала, бросив взгляд туда, откуда прикатилось ведро. В узком проходе между домиками, в том месте, где по словам пострадавшей женщины её пытались то ли задушить, то ли покусать, мне почудилась тень. На тонком плане почудилась, ведь городок, как и прежде, был погружен во тьму. Но стоило мне прищуриться, настраивая зрение, как тень исчезла. Застенчиво отступила, коварно спряталась или мне показалось? Я пожала плечами и списала всё на профессиональную паранойю: второй год только и делаю, что школу от энергетической грязи чищу, вот и мерещится повсюду всякая дрянь.

Так что перестала таращиться в темноту и разбираться за «Салли Салун» не полезла: в конце концов, я на отдыхе. Как мага уже с некоторым опытом работы кошмары меня не особо пугали, что ночные, что дневные, что прочие. Вернее, не так, пугали, конечно, но я бояться себе запрещала: вроде как непрофессионально, да и если маг наготове – никакой кошмар ему не страшен. Но сегодня мы пошли в парк за развлечениями – и я позволила адреналину хлынуть в кровь и решила не портить вечер ни себе, ни людям, приготовившись бояться в своё удовольствие.

Пройден последний метр Вестерн-сити, скрипнул под Катиным каблук сухой осенний лист, и в тот же миг разлился по окрестностям хриплый протяжный вой.

Смешно, но он подействовал на нас ободряюще. Мы тут же оживились, весело переглянулись, справедливо полагая, что цель нашего ночного квеста близка, и энергично устремились на вой, как заплутавший корабль к долгожданному маяку.

Новая порция inferнальных завываний привела нас на боковую аллею, которую мы буквально пробежали, свернули направо, играючи вынырнули из кустов... и вот!

– Мистический фестиваль! – со счастливой улыбкой огласила Катя. – Сомневалась уже, что дойдём.

Родовались все, даже я. И было чему: жизнь и веселье на центральной аллее били ключом. Толпы людей бродили от площадки к площадке, от аттракциона к аттракциону, делали фото, ужасались и смеялись, участвовали в конкурсах и представлениях... и, о счастье! Здесь снова работала иллюминация, а над главной площадкой ярко горел мощный прожектор.

– Ну, наконец-то! – выдохнула Аня. – А то словно все повымерли...

– Полчаса всего шли, – задумчиво сказала Катерина, взглянув на часы. – А ощущение такое, что полжизни прошло.

Мы дружно фыркнули, прекрасно её понимая.

– Ну что, – сказала Катя и нетерпеливо худыми ножками переступила. – Какие планы? Девочки налево, мальчики направо?

– Остроумная ты моя! – ахнула я, немного перед Каширским засмутившись.

– Взрослые налево, мелкие – направо, – внёс коррективу Женька.

– Вместе пойдём, – возразила я. – Не теряйтесь!

Каширский легонько меня приобнял, Катя с Аней взяли друг друга под руки, и мы направились наслаждаться ночью кошмаров.

Организаторы фестиваля подошли к мероприятию творчески и с большой фантазией, это стало ясно, едва мы прошли через первые же ворота с неожиданно гастрономическим неброским названием «Кошмар на закуску».

Просторный тематический парк под открытым небом демонстрировал набор пыточных инструментов, установок, орудий казней и прочих лёгоньких низкокалорийных ужасов, которыми предлагалось «закусить».

Начинал экспозицию позорный столб, в колодках которого уже кто-то висел, отчаянно пытаясь сделать удачное селфи.

Чуть дальше находился скромный лесок насаженных на колы чучел со страдальческим выражением на мастерски вылепленных лицах. Изогнутые в страшных муках тела, развевающиеся волосы, порванная, свисающая клочьями одежда, раскрытые в немом крике рты – всё это весьма впечатляло и прогоняло дрожь по позвоночнику. В композиции имелось и два свободных колышка – то ли для фото с ними в обнимку, то ли для любителей острых ощущений.

– О, Ангел, классно! Давай я тебя тоже сфоткаю! – воскликнул Каширский и развернул меня к... постаменту со старинным электрическим стулом.

Стул выглядел настолько реалистично, что я заподозрила даже, что это настоящий музейный экспонат, списанный и присланный нам из какой-нибудь американской тюрьмы в рамках культурного обмена. Громоздкий, старый, годов сороковых прошлого века... эта жуть заворачивала и не давала отвести глаз. На стул добрые родители усадили малыша лет пяти, и теперь мамаша старательно застёгивала ремни ему на руках, а папаша прилаживал шлем, возясь с ремешком под подбородком.

– Нет уж, – решительно отказалась я от любезного Женькиного предложения. – Сам туда садись.

Каширский захмыкал. Родители окинули умилённым взором ребенка на электрическом стуле, приказали тому улыбаться и защёлкали камерой. Профессиональной, между прочим.

– Чего ж они такого маленького-то засунули, – протянула Катерина, наблюдая за жанровой сценой.

– Вот-вот, – поддержала её Аня и добавила обиженно, – ему ни шлем по-нормальному не надеть, ни ноги пристегнуть – не достаёт же! Дали бы лучше другим сфотографироваться!

Я фыркнула насмешливо:

– Здесь всего полно, выбери, что нравится, и фоткайся, сколько хочешь!

Да уж, выбрать действительно было из чего, если вас интересовали фото в подобных декорациях.

И пошло веселье. Каширский нацепил себе на шею петлю от виселицы и даже язык набок свесил. Я его фотографировать в таком виде категорически отказалась, как и повисеть рядом на соседней петле и сделать романтическое парное фото. Женя упрашивал, завлекательно помахивал веревкой, строил различные придушенные физиономии, старательно изображал выкашившиеся из орбит глаза, но меня не убедил.

Девчонки тем временем оккупировали гильотину и тщательно её исследовали.

– Катерина, под нож ложиться не смей! Совсем сдурела! – рявкнула я, отследив это безобразие, и сестра смущённо выскользнула обратно.

В корзине под гильотиной обнаружилась весьма достоверная отрубленная голова с выразительным оскалом, и девчонки сперва визжали от ужаса и восторга, а потом провели с ней расширенную фотосессию, к которой привлекли и Каширского. Они вертелись и так, и эдак, а Женя увлечённо и послушно щёлкал их в разных ракурсах, подавая креативные идеи.

Аня примостила бедную голову себе на колени, красиво вытянула ножку в кроссовке и соблазнительно улыбнулась: Каширский покорно сделал пару кадров.

Ну, пусть развлекается... тут ещё объектов полно... я с интересом огляделась. О, что это? Немного в стороне, на квадратном деревянном настиле я заметила огромную белую эмалированную ванну, загадочно поблескивающую в свете иллюминации. Сколько ни мучилась, догадаться, под какой кошмар её можно определить, так и не смогла, оттого заинтригованно потрусила вперёд и любознательно в ванну заглянула.

– Ах, тьфу, ужас! – не удержалась я от громкого восклицания и резко назад отпрянула.

Привлечённые моим воплем друзья бросили играть с отрубленной головой и устремились ко мне.

– А-а-а... бе-е... хм-хм, – нервно заблеяли и захмыкали Катя с Аней, а Каширский произнёс своё коронное:

– Оригинально.

В ванне плавала школьница. Дохлая. Надо полагать, утопленница, потому что никаких внешних повреждений, доступных взгляду, не было. Несчастливая была одета в полную форму ученицы старших классов и вид имела самый что ни на есть умиротворённый, тараща в толщу воды широко распахнутые безмятежные глаза. На синей курточке переливалась школьная эмблема, размеренно покачивались чёрные лакированные туфли, длинные светлые волосы колыхались вокруг миловидного лица словно гигантские водоросли... К ручкам, ножкам и подолу клетчатой юбки были приделаны едва заметные грузики, не дающие трупiku всплыть.

– Посмотри, Кать, как на Ритку из «Б» класса похожа, – задумчиво произнесла Аня, осторожно присаживаясь на бортик ванны.

– И точно! – фыркнула сестра. – А чья это эмблема?

Она ткнула пальцем в школьницу, едва не коснувшись воды.

– Этот экспонат трогать нельзя! – тут же рядом с нами материализовалось бдительное привидение, заставив всех разом дружно вздрогнуть. – Вот, на табличке же написано!

Привидение постучало рукой, обёрнутой то ли в простыню, то ли в оконную занавеску, по картонке, висящей на груди.

– Хм, – озадаченно пробормотала Катька, – а почему табличка на вас? Значит, это вас трогать нельзя?

– Нас обоих трогать нельзя, – захихикал фантом. – Вместе. Я к этому объекту прикреплён... прикреплено, – поправилось привидение, подумало и добавило зловеще и тоскливо: – У-у-у!

– А-а, – понимающе протянула Катя, а Аня расстроено и растерянно промолвила:

– А как же тогда фото? Фотографировать-то можно?

– Фотографировать, снимать видео можно, – кивнуло привидение. – Трогать не надо.

– То есть в воду лезть нельзя? – дотошно уточнила Аня. – Даже немножечко?

– А вы хотите? – искренне удивилось привидение, и я весело хмыкнула.

– Не пойму, – признался фантом в простыне, – вы совместное фото в ванне сделать желаете?!

И пока я давилась смехом, Каширский ухватил Аню за плечо и несильно потряхнул:

– Давай помогу! Фотка выйдет – улёт!

Аня тоненько завизжала, опасно забалансировав на краю ванны, и крепко в Женькин рукав вцепилась.

– Нет, нет, в воду нельзя! – горячо запротестовало привидение. – Экспонат попортишь!

– Ну и сама промокнет, вообще-то, – хмыкнула я.

– Я просто так спросила! – оправдывалась Аня, поспешно слезая с бортика ванны под наше хихиканье. – Нужна мне ваша утопленница!

– И то верно, – согласилось привидение, оглядывая экспозицию сквозь прорези в простыне (или всё же занавеске?) критическим взглядом. – Лежит и лежит себе, ничего особенного. Идите вон лучше налево, за дыбу... там сейчас мини-шоу начнётся. «Вскрытие безумного учёного» называется.

– Классно, идём, – загорелся Каширский, хотя лично мне было непонятно: это безумного учёного вскрывать будут, или это безумный учёный станет таким жутким делом заниматься? В любом случае, сильно сомневалась, что меня сможет заинтересовать какой-нибудь из вариантов. Я робко пыталась донести до друзей эту мысль, пока мы деловито шагали к небольшой группе людей, обретающейся действительно слева от дыбы.

– Ох, не видно ничего! – огорчилась Аня, встав на цыпочки и пытаясь выглянуть поверх голов.

– Вы знаете, я, пожалуй... – начала я, но Каширский решительно выпихнул нас троих в первый ряд, а сам пристроился позади меня.

Я закрыла рот и вздохнула философски, оказавшись буквально в метре от прозекторского стола с телом, прикрытым простыней в подтёках весьма неэстетичного вида. Раздался леденящий кровь смех, и на площадке появился персонаж – ужасающего вида крупный мужчина с торчащими в разные стороны паклями волос, огромными круглыми очками в толстой оправе и оскалившимися в жуткой улыбке кривыми зубами (предположительно, безумный учёный). Одет мужчина был в несвежий белый халат в бурых пятнах, на левом ухе зачем-то болталась медицинская маска.

Персонаж включил лампу над столом, а затем, фальшиво напевая, выкатил из палатки для персонала фестиваля блестящую тележку с разложенным медицинским инвентарем. Тележка противно дребезжала, профессор что-то мурлыкал себе под нос, инструменты угрожающе посверкивали, и в толпе раздалась первые нервные смешки.

Доставив тележку к столу, безумный учёный принялся любовно и неспешно каждый инструмент протирать тряпочкой (тоже, кстати, неэстетичной и не свежей), позволяя присутствующим по достоинству оценить приготовленный набор для вскрытия. Мне показалось, что предметов как-то многовато. Впрочем, я не специалист.

– Фу-у! – морщились мы с Каткой на каждую новую демонстрацию.

Каширский фыркнул и обнял меня со спины. Это было приятно и волнительно, даже через драповое пальто. Тем более, что Женя на этом не остановился, а ещё и зарылся лицом в мои волосы.

Я застыла, ощущая попеременно его дыхание, нос, щёку и губы на своём затылке. Это меня от шоу несколько отвлекло, и я вернулась к зрелищу только тогда, когда безумный учёный с подготовкой инструментария закончил и, выбрав пилу побольше, выпрыгнул из-за тележки и рванул прямо к заинтригованно ждущим зрителям.

Первый ряд реально отшатнулся, и мы с девочками в том числе.

Каширский рассмеялся и прижал меня к себе крепче.

Повращая глазами и побродив, придирчиво вглядываясь в зрителей, словно выбирая жертву (к нервным смешкам добавились хриплые повизгиванья и похрюкиванья), профессор, ко всеобщему облегчению, удалился к прозекторскому столу, решив сосредоточить своё внимание на том, что там лежало.

Жестом фокусника он сорвал неприглядного вида простыню и...

– Фууу! – застонали мы трое, а Каширский хмыкнул и поцеловал меня в макушку. Для ободрения, что ли? Или просто воспользовался моментом?

На столе лежал труп. Прмерзкий! Корявый, подгнивший, синюшный, с оскаленным ртом, высунутым распухшим языком, редким вкраплением жёлтых зубов, со скрюченными пальцами рук и ног, весь какой-то вогнуто-выгнутый... в общем, я подивилась богатой фантазии его создателя. В довершение образа через всю грудину и живот шёл грубо зашитый огромными небрежными стежками разрез, словно труп уже вскрывали, или даже правильнее сказать, потрошили.

Ну и пила тогда зачем? Видимо, безумный учёный подумал о том же, потому что заменил пилу на не менее отвратительного вида нож, и о-о-очень медленно, явно наслаждаясь процессом, с лёгким чпоканьем начал вспарывать шов на трупе.

– Ой, ну я не могу, – пробормотала я, пытаюсь отвернуться.

Каширский потёрся носом о мои волосы и снова чмокнул в макушку. А потом ещё раз. И ещё. И вообще, судя по ощущениям, он там задремал. Я замерла настороженно. Хорошо, что волосы, в отличие от Катки, тщательно вымыла! И шампунем, и кондиционером, всё как полагается. Теперь придётся лучше следить за собой и быть всё время наготове: никогда не знаешь, что придёт в голову твоему парню. Я вот и подумать не могла, что Каширского так привлечёт... моя макушка!

Женя что-то пробубнил мне в затылок и легонько подул. Даже представлять себе не стала, что творится у меня с причёской после всех его манипуляций. Вздохнула, не особо расстраиваясь. Ладно, всё равно сегодня ночь кошмаров, одним больше, одним меньше... отлично впишусь.

Кстати, о них, о кошмарах. Безумный ученый закончил вскрывать шов, весело напевая раздвинул края, и из трупа полезли жирные белые личинки. Хлынули просто!

– О, нет, я всё! – простонала я, чувствуя рвотные спазмы, и торопливо развернулась, чтобы уйти.

Прямо тут же покинуть представление не получилось: сзади стоял Каширский, который с места не сдвинулся, а, оторвавшись, наконец, от моей макушки, замороженно смотрел расширившимися глазами на триумфальное шествие червяков.

– Женя! – капризно прогундосила я и даже кулаком ткнула, чтобы пропустил, но он машинально привлек меня к себе, позволив спрятать лицо на его груди.

– Анжел, ты только глянь, – прерывающимся голосом сказал Женька. И я, как последняя дура, обернулась, внезапно заинтересовавшись.

Вслед за личинками из трупного чрева ползли жуки и пауки, крупные, яркие, многочисленные настолько, что я подивилась, где их вообще в таком количестве насобирали, а ещё – как теперь отлавливать будут, не расползутся же они по всему парку! Правда, приглядевшись, заметила, что насекомые стекаются в желобки по краям прозекторского стола: то ли там намазано было чем привлекательным, то ли ещё что придумали.

– Фу! – поморщилась я и толкнула Каширского уже сильнее. На этот раз он сопротивляться не стал, и мы выскочили из толпы зрителей, смеясь и дрожа от отвращения одновременно.

Рядом отплёвывались Катя с Аней.

– Гадость! – воскликнула я и руками помахала, словно отряхиваясь.

– Гадость, – с готовностью кивнул Каширский, чей загар после увиденного шоу казался бледнее, чем обычно. – Опять опарыши... меня чуть наизнанку не вывернуло!

Девчонки переглянулись, фыркнули и пихнули друг дружку в бок.

– А что, Женя, – игриво поинтересовалась Аня, хлопая ресницами, – ты разве рыбку не любишь?

Каширский метнул на неё быстрый взгляд.

– Расхрабрились, да? – спросил он и одобрительно заметил: – Это хорошо. А то нам ещё через мёртвый Вестерн-сити возвращаться...

Он задумчиво уставился в тёмную даль поверх Аниного плеча.

Улыбки мгновенно исчезли с девчоночьих лиц, словно их ластиком стерли.

– Ох, нет! – хором воскликнули подружки. – Обратно пойдём через центральный вход, вместе со всеми.

И я была с ними совершенно согласна.

Все ещё время от времени похихикивая и нервно подёргиваясь, мы покинули «Кошмары на закуску», посчитав, что закусили достаточно.

– Интересно, что у них на основное блюдо? – оживлённо любопытствовал Каширский, видимо, быстро от опарышей оправившись.

Выйдя из мини-парка через другие ворота, мы попали на... кладбище. Элегично присыпанный листвой газон был усеян покосившимися надгробиями, торчащими из земли саркофагами и в беспорядке разбросанными черепами, как человеческими, так и прочих существ, каких именно – определить для меня оказалось проблематично.

На белом покрывале, расстеленном между могилками, сидело... нечто. Я в квалификации нечисти не сильна, поэтому сказать, к какой именно группе относится бледно-зелёное,

пупырчатое существо в живописных лохмотьях, не могу. Ясно одно, что монстр. Точнее, судя по длинным волосам и округлой фигуре, это она, монстра.

Монстра гостеприимно хлопала чешуйчатой лапкой по покрывалу, предлагая присесть рядом и отведать мутно-зелёного напитка из черепашки. И напиток, и монстра пользовались успехом: на покрывало то и дело опускались люди, делали незабываемые фото и даже рисковали сделать глоток-другой чудесного напитка.

Посмеиваясь, мы прошли чуть дальше, заинтересовавшись еще одной композицией: тоже на специальной подстилке сидело печальное чучело в балахоне, без ног и с одной рукой. Поскольку место на покрывале как раз пустовало, Катерина быстренько сунула мне в руки телефон и уселась рядом с очередной монстрой (на этот раз с синими волосами и таким же лицом). И только я сфокусировала камеру, а сестра состроила обаятельную улыбку, как неподвижная до этого момента монстра медленно к ней повернулась, а торчащая из широкого рукава синюшная рука отпала прямо Катке на колени.

Катя пронзительно взвизгнула, да и мы не остались равнодушными: реально думали, что это кукла, а не мим. Сестра дёргалась, пытаясь сбросить с колен монстроконечность, не прикасаясь к ней пальцами; я щёлкала телефоном, фиксируя происходящее; монстра опять замерла, укоризненно и молчаливо на нас глядя.

– Анжела, убери это! – захныкала Катя, отлично понимая, что чтобы подняться с покрывала, ей сперва нужно освободиться от покоящейся на коленях руки.

Я помедлила в сомнениях... Вроде и понимаю, что муляж, но всё равно противно.

– Жень? – робко и просительно промолвила.

Каширский переменялся в лице, но к Катке широко шагнул, решив проблему по-своему: просто ухватил мою сестру за рукав и рывком поднял, позволив синей конечности скатиться на покрывало. Жень кроссовкой её остановил и аккуратно к печальной монстре пододвинул.

– Прикреплять уж не буду, извини, – фыркнул он и поспешно Катю с подстилки утащил. За нашими спинами хохотали благодарные зрители.

– Ах, а я же сама к ней сесть хотела, – покачала головой Аня. – Ну, напридумывали же!

Мы затрясли головами, соглашаясь. Мистический фестиваль и впрямь был задуман с размахом: вдоль центральной аллеи подсвечивались несколько интерактивных площадок, кривые указатели направляли гостей к лабиринту страха и лесу ужасов, невдалеке шумели несколько страшных аттракционов, а среди посетителей парка лавировали привидения, зомби и прочая нечисть, внося дополнительное оживление и колорит.

Многие желали вместе с тёмными силами сфотографироваться: вот и сейчас мы как раз проходили мимо семьи, делающей снимки в компании двух ведьм отвратительного вида. Возможно, это были не ведьмы, а мертвячки, и уже полежалые, судя по насыщенным неровным пятнам вокруг глаз и распухшим синюшным губам. Одна из девушек посмотрела на нас и прицельно помахала Каширскому рукой, ощерившись в приветливой беззубой улыбке.

Жень вздрогнул и отвёл взгляд. Я хмыкнула.

– Жень, смотри, ты ведьме понравился! – воскликнула Аня. – Вон как радуется!

– Тебе показалось, – сдержанно сказал Каширский и, подхватив меня под локоть, предпринял попытку как можно быстрее пройти мимо ведьм.

– Да нет же! Вот, она тебе глазки строит! – настаивала Аня.

Я глянула на беззубую девушку: та действительно бросала на Каширского томные и завлекательные взоры и в конце концов даже послала ему воздушный поцелуй.

– Жуть какая, – пробормотал Евгений, и мы весело расхихикались.

– Она сюда бежит! – пискнула Катя, и мы встали изумлёнными столбиками.

– Привет, красавчик! Как дела? – старательно прошамкала то ли ведьма, то ли мертвячка, поедая Женьку влюблённым взором, и игриво подмигнула. Вышло э-э... на любителя. Очень

большого любителя готики и кладбищенских персонажей. Судя по всему, Женя к ним не относился.

– Привет, – кашлянул нервничающий Каширский. – Извини, мы спешим.

– Куда это мы спешим? – хором удивились девчонки, а я поспешно закусила губу: очень хотелось посмеяться над Женькиной шокированной реакцией на внимание мертвячки. Он на неё даже смотреть не мог, отворачивался, стараясь не морщиться брезгливо, а она, наоборот, подошла вплотную и настойчиво заглядывала ему в лицо.

– Женька, я это, не узнаёшь? – возмутилась мертвячка, не дождавшись от парня положительных эмоций. – Марина.

– Марина? – недоверчиво хмыкнул Каширский и в девушку взгляделся пытливо, но уже через секунду сглотнул и взгляд торопливо отвёл. – Правда?

– Ну конечно! – воскликнула Марина и даже за руку парня схватила. Для убедительности, видимо.

Каширский покосился на бледно-жёлтую, в разводах конечность у себя на рукаве куртки и аккуратно высвободился:

– Как же тебя узнать? Грим... убийственный.

– Это верно, – вмешалась я, – вас тут всех загримировали просто улётно.

– Потрясно! – кивнула Катя.

– Круто, – солидно подтвердила Аня.

– Спасибо, – расплылась Марина в своей фирменной беззубой улыбке, и на этот раз вздрогнул не только Женька.

– А ты не мёрзнешь в одном балахоне? – заинтересовалась Аня.

– Нет, у нас под ним трико плотное, да и в палатки бегаем греться, сменяем друг друга, – разъяснила Женькина кузина. – Как вам тут? Нравится?

– Очень! – искренне сказала Катя. – Столько всего... Не знаем, куда и податься.

– Так, я вам подскажу, – Марина перехватила Каширского за запястье (тот страдальчески поморщился, но стерпел) и взглянула на его часы. – Ага, полдесятого, значит, сейчас начнётся интерактивная площадка «Школа тёмной магии», там Малефисента будет конкурсы проводить и разным фокусам обучать. Ничего так, прикольно. Идите по главной аллее и направо, возле малой карусели. Вон, видите, там уже народ собирается?

Мы дружно кивнули.

– Ещё обязательно сходите в Лес ужасов и Лабиринт страха. Старые аттракционы модернизировали, сделали квест и перфоманс, – посоветовала Марина.

– Это с живыми актёрами? – неуверенно уточнила Катька.

– Нет, как раз с мёртвыми! В том и фишка! – Марина сделала страшные глаза и профессионально ими повращала.

Мы рассмеялись.

– Остальное – по желанию. И да! – спохватилась мертвячка. – В одиннадцать кульминация вечера – суд и сожжение ведьмы на главной площади, придёте?

– Я не уверена, – успела я встрять до того, как остальные радостно согласились. Все посмотрели на меня в изумлении, но я только плечами пожала, не пускаясь в объяснения. А что сказать? Что я вроде как маг и наблюдать за казнью ведьмы мне не позволяет чувство цеховой солидарности?

– Девушка, с вами можно сфотографироваться? – обратилась к Марине интеллигентного вида пожилая пара, и мертвячка расслабилась провальной улыбкой.

– Да, конечно, – польщённо прошамкала она и махнула нам когтистой лапкой в жёлто-зеленых разводах. – Всё, бегу работать!

Мы ответно помахали ей руками (гораздо более привлекательными на вид) и, поухмылявшись, направились в сторону обещанного шоу со злой колдуньей.

– А ведь симпатичная вроде девчонка, – покачал головой всё ещё находящийся под впечатлением Каширский, обернувшись на кривляющуюся перед камерой мертвячку Марину, и вдруг крепко взял меня за руку. – Ангел, никогда так не делай, слышишь?

– Что? – растерялась я.

– Обещай, что никогда не будешь так краситься! – настойчиво потребовал Каширский, заглядывая мне в лицо, и пробормотал негромко: – Так ведь можно стать импо... В общем, подобный макияж убивает в мужчине всякое влечение к женщине.

Я хлопнула ресницами. И ещё раз. Ну ничего себе! У нас с Женькой всего-то первое свидание, а он мне уже условия диктует?! Это со всеми парнями так? Ты ещё и не решила даже, возьмёшь ли его в бойфренды, а он тобой уже распоряжается?

Хотела сказать что-нибудь язвительное, но посмотрела на Женькино лицо, ещё хранящее следы недавнего эстетического шока и... В конце концов, я и не собиралась чернить себе зубы или рисовать фингалы под глазами, так что просто кивнула.

Рядом притихли Катя с Аней, развесив уши и впитывая полезную информацию об особенностях мужского влечения. Я насмешливо фыркнула.

Дорогу нам преградила небольшая очередь, выстроившаяся к аттракциону с горящим алыми лампочками призывом «Убей вампира!»

Доставить себе такое удовольствие, а заодно и очистить мир от кровопийцы, можно было за дополнительную, весьма умеренную плату. Для этого надо было всего лишь приобрести билетик, в обмен на который выдавался громоздкий арбалет с тремя блестящими стрелами (видимо, как бы серебряными). На просторном газоне (в целях безопасности) была выставлена круглая мишень с нарисованным на ней очень худым и грустным вампиром. Область сердца была выделена красным цветом и дополнительно подсвечивалась. У охотников на грустного вампира было три попытки, чтобы показать свою меткость и попасть прямо в сердце кровопийце серебряной стрелой. Тот, кому это удавалось, торжественно награждался светящимися в темноте накладными вампирскими клыками. Призы счастливчикам вручал сам граф Дракула, прыгающий рядом в полном традиционном облачении и зазывающий всех желающих принять участие в спортивном развлечении.

Мы с девчонками глянули, хихикнули и готовы были идти дальше, но Каширский остановился, с азартом следя, как стрела одна за другой летят мимо цели.

– Ангел, хочешь, я тебе зубы выиграю? – наконец, не выдержал он и сделал мне интересное предложение.

Я рассмеялась: формулировка была так себе, да и дополнительные зубы мне вроде как ни к чему, но на мистический фестиваль мы пришли компанией, а, значит, надо учитывать желания каждого.

– Хочешь попробовать? – спросила у Женьки, и тот пожал плечами.

– Ангела, – тихонько захныкала сестра, дернув меня за рукав пальто, – здесь очередь огромная, а Малефисента вон уже на первый конкурс приглашает!

Я посмотрела, куда показывала Катерина, и согласно кивнула: недалеке, на площадке возле малой карусели, появилась актриса в двурогом колпаке и длинном чёрном платье.

– Ладно, вы идите, а мы позже подойдём, – решила я. Катину куртку видать издалека, так что девчонки не потеряются из виду. – Но если что – встречаемся у костра инквизиции в одиннадцать. И телефон не отключай.

Подружки радостно подпрыгнули и со всех ног бросились к тёмной ведьме, а Каширский – к очереди охотников на кровопийцу.

– Я тут постою, – сказала ему вслед, – не хочу толкаться. Заодно оценю твоих конкурентов.

Каширский улыбнулся и встал за грузным мужчиной с маленькой девочкой на руках. Интересно, кто из них в вампира стрелять будет? Малышке по виду нет и трёх лет. Неужели дяденька? Так ему уже к шестидесяти, наверное...

Граф Дракула сделал приглашающий жест, и пара мальчишек лет шести-семи схватились за арбалеты. Первые две стрелы даже не долетели до мишени, и расстроенные несостоявшиеся охотники на вампиров навели арбалеты на самого Дракулу, рассудив, что в него-то попасть будет проще. Очередь ахнула, побледневший даже под слоем грима граф погрозил им когтистым пальцем, заодно отступая подальше, а подбежавшее привидение поспешно арбалеты у мальчишек из рук выхватило, призывая на помощь родителей.

– Но он же тоже вампир! – возмутились мальчишки, отбиваясь от подскочивших к ним мамаш.

Наконец, конфликт был улажен: пацанята выпустили последние стрелы по мишени, никуда не попали, понятно, но были награждены вампирскими челюстями дрожащим от облегчения Дракулой.

Я иронично фыркнула: вот ведь как опасно быть вампиром! Всё время приходится быть настороже!

Внезапный порыв пронзительного холодного ветра пробрался ко мне за воротник, и я потуже намотала вязаный шарф, зябко поёжившись.

– А ты разве не хочешь убить вампира? – вкрадчиво сказали мне в ухо, и я, дёрнувшись от неожиданности, оглянулась.

Прямо за моим плечом стоял парень. Точнее, вампир, судя по искусному гриму на его лице. Одет он был современно, без всяких там плащей и манишек, как у Дракулы, но впечатление производил не меньшее. Больше даже. Может, как раз из-за отсутствия излишней костюмированности, а может, из-за своей потусторонней красоты. На вид чуть старше меня, лет двадцати, с зачёсанными назад волосами, прикрывающими шею, с тщательно забелённым лицом, глазами не просто в синей подводке, но и с глубокими тенями вокруг них, он, тем не менее, смотрелся настолько органично и гармонично, что я некоторое время просто таращилась на него. Образ дополняли стильные ботинки, джинсы по фигуре, расстёгнутая лёгкая куртка и трикотажная пижонская рубашка навыпуск, на белоснежном фоне которой отчётливее и жутче смотрелись россыпи ярко-алых брызг на воротнике и груди.

– Я? Нет, спасибо, – рассмеявшись своему секундному испугу, ответила я, подумав, что передо мной зазывала из вампирского аттракциона. И, предвосхищая всякие попытки привлечь меня к данному действию, искренне сказала: – Я без необходимости не убиваю.

Вообще-то, это чистая правда, но не думаю, что парень воспримет мои слова всерьёз. Оно и к лучшему, я уже жалела, что не удержала в себе эту странную для окружающих реплику.

– Даже вампиров – порождение зла? – спросил сотрудник парка отстранённо. Он смотрел словно мимо меня, и из-за яркого эпатажного макияжа я никак не могла разглядеть цвет его глаз. Зато отлично просматривалась запёкшаяся кровь в правом уголке рта. Тоненький подсохший багровый ручёек пересекал весь подбородок, и это было так откровенно и так по-животному дико, что против воли гипнотизировало.

– Никого, – усмехнувшись, подтвердила я.

Парень медленно перевёл взгляд на меня. Я заморгала, стараясь избавиться от внезапной ряби в глазах.

– Тогда и я тебя не трону, – спокойно и негромко сказал он, и я задумалась, не следует ли по сценарию мне его за это поблагодарить?

– Анжел! – крикнул Каширский, размахивая вожацким арбалетом, и я вздрогнула.

Осмотрелась торопливо – красавца-вампира нигде не увидела.

Нет, ну здорово у них тут всё поставлено! Вон как актеры работают качественно, никто без внимания не остаётся! И я, довольно улыбаясь, сделала шаг к Жене, приготовившись подбадривать и восхищаться.

Быстренько бросила взгляд через плечо – уже в поисках не вампира, а Катерины, и с облегчением увидела цыплячью куртку в толпе адептов Школы тёмной магии. Девчонки слушали с интересом, но в конкурсах не участвовали, стеснялись, наверное.

Каширский прицелился и попал в голову нарисованному вампиру. Хороший результат, но не победный. Вторая стрела впиалась грустному чудовищу в ногу. А попробуйте быть весёлым, когда в вас стреляют все, кому не лень!

Женька занервничал. Вроде бы и шуточный конкурс, но проигрывать не хочется, хотя как будто я без накладных клыков не обойдусь!

Вдохнула. У Каширского твёрдая рука и отличное зрение. Он – спортивный парень, и вообще я в него верю. Ему надо только успокоиться. Я осторожно потянулась к нему магией и едва-едва, совсем легонечко, погладила по плечу. Каширский выдохнул, прицелился и спустил стрелу.

– Ура!!! – восторженно запрыгала я, на минуту забыв, что вообще-то пацифистка и никого не убиваю, тем более, для развлечения.

Вампир был поражён арбалетной стрелой в самое сердце, и прислужнику-привидению пришлось повозиться, чтобы её вынуть, так глубоко она вошла.

Граф Дракула разразился цветистой хвалебной речью в честь Женьки и пригласил того на вручение наградных клыков под аплодисменты остальных участников.

Я мельком оглянулась на Катерину и... замерла. Возле девчонок отирался уже знакомый мне вампир, и неожиданно мне это совсем не понравилось. Словно мгновенный укол в сердце, оставивший после себя напряжение и тревогу. В смятении посмотрела на Каширского: тот, совершенно счастливый, тряс руку графу Дракуле, немало не смущаясь вампирьих когтей. Я не стала его отвлекать, а сделала пару шагов к сестре, внимательно вглядываясь в темноту.

Вампир стоял между девчонками, обнимая за талии сразу обеих, и что-то нашептывал им с лёгкой насмешливой улыбкой. Девочки косились на него, вылупив глаза, и вообще вид имели контуженный. Парень снисходительно усмехнулся и лениво потянул их в боковую аллею.

Сказать, что я порву за Катю – не сказать ничего. Я распылю. Без всякой, даже гипотетической, возможности восстановления не только в живой, но и постсмертной форме. И этой нечисти разрисованной лучше поверить мне на слово, а не пытаться узнать на практике. Для нечисти же лучше.

Я рванула к сестре со скоростью, посрамившей всех вампиров и оборотней вместе взятых. По крайней мере, раскрашенный парень выглядел слегка шокированным, когда я в мгновение ока появилась перед ним.

– Руки убери, – глухо сказала. Хотела добавить ещё что-нибудь вежливое, ну, чтобы не сочли истеричкой, но не стала. Должен же он понимать, как это выглядит со стороны: взрослый парень с кровью на рубашке тянет малолеток в тёмную пустую аллею.

– Девочки мои сладенькие, – протянул вампир голосом, который меня напугал, хотя я не из пугливых. Негромкий, какой-то шуршащий, ленивый и издевательский, он отталкивал и завораживал одновременно своей приторностью и скрытой угрозой. – Что скажете, пойдёте со мной?

Парень спрашивал у девчонок, но смотрел только на меня, будто нарочно провоцируя.

– Д-да, – заикаясь, выдавили Катя с Аней, не спуская с вампира остекленевших глаз.

Я тоже уставилась на вампира, хотя так и не смогла отчего-то поймать его взгляд, который всё время ускользал от меня, оставляя раздражающую неприятную резь в глазах. Притягателен, да. И красив, зараза. Даже под слоем этой штукатурки красив. Или именно благодаря

ей? Смой краску, и этот зловещий красавчик станет среднестатистическим невзрачным парнишкой, каких у нас в городе тысячи. Может, он вообще прыщавый?

Эти мысли разогнали туман у меня в голове, и я быстро перехватила девчонок за руки.

– А вот и нет, – твёрдо сказала я и пригрозила: – Прекрати немедленно, а то я...

Я запнулась. А то что? Пожалуюсь администратору?

Вампир тоже заинтересовался, улыбаясь криво и пренебрежительно:

– И что же ты мне сделаешь?

– Кол вобью, – тихо произнесла, и шипенья в моём голосе было ничуть не меньше, чем в его. – Ты уже забыл? При необходимости я убиваю.

Парень сузил глаза, в которых полыхнули изумление, издёвка и... злость. Яркая, чистая, мощная, она оказалась для меня настолько неожиданной, что я задохнулась, будто физически ощутив её как удавку на шее.

«Ну, всё, – подумала и стряхнула пальцы рук. – Сейчас ударю ему в грудь магией, а разбираться будем потом...»

– Что происходит? – Каширский ввинтился между нами и неторопливо, но уверенно задвинул Катю с Аней себе за спину.

– Такая храбрая, значит? И сильная? – фыркнул вампир, игнорируя как вопрос Каширского, так и его самого, но девчонок удерживать не стал. – Ну что же, милая, это достойный обмен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.